

«Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» Г.Р. Державина как предсказание идеологического поворота 1813–1815 годов¹

В работе на основе анализа стихотворения Г.Р. Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» показано, как данный текст предсказал изменения в государственной риторике и идеологии Российской империи в 1813–1815 гг. Намеренно создавая идеологическое стихотворение и работая в нем мотив русского народа, Державин ушел от распространенного в поэзии времен Отечественной войны 1812 г. гражданского понимания, при котором народ признается самостоятельным деятелем истории, не зависящим ни от царя, ни от Бога, и придал мотиву библейское измерение: противостояние России и Франции уподобляется онтологической битве Божественных и демонических сил. В «Гимне лиро-эпическом...» громче, чем в иных современных стихотворениях, звучит идея «богоизбранничества» русского народа. Более того, стихотворение Державина стало одним из первых, где внятно, объемно и последовательно изложены сюжет Отечественной войны 1812 г.: от пробуждения «Дракона или демона змевидного» — Наполеона до окончательного триумфа «россов», избранных Богом и предводимых уподобленным архангелу Михаилу Кутузовым, и бегства французского императора из пределов Российской империи.

Ключевые слова: «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества», Г.Р. Державин, идеологическая поэзия, богоизбранничество, Отечественная война 1812 г.

Based on the analysis of the poem by G.R. Derzhavin “Hymn lyric-epic on driving out the French from the Fatherland”, the article demonstrates how this text predicted the changes in the state rhetoric and ideology of the Russian Empire in 1813–1815. Creating this text as an ideological poem and developing the motive of the Russian people there, Derzhavin left the civil understanding of it widespread in poetry during the Patriotic War in which people are recognized as an autonomous figure in history, independent of either the tsar or God and gave the motive a biblical dimension: opposition of Russia and France are compared to the ontological battle of divine and demonic forces. In “Hymn lyric-epic...” the idea of messianism of the Russian people sounds louder than in other modern poems. Moreover, Derzhavin’s poem was one of the first, in which the plot of the Patriotic War of 1812 is clearly, voluminously and consistently set out: from the awakening of Napoleon (“Dragon or the serpentine demon”) to the final triumph of the Russians chosen by God and led by the archangel-like Mikhail Kutuzov, and the flight of the French emperor from the borders of the Russian Empire.

Keywords: «Hymn lyric-epic on driving out the French from the Fatherland», G.R. Derzhavin, ideological poetry, messianism, Patriotic War of 1812.

Самым объемным, сложным и значительным текстом конца 1812 г. — начала 1813-го, разрабатывающим мистический сюжет Отечественной войны 1812 г., является «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» Г.Р. Державина. Это не только одно из самых больших современных стихотворений (по размеру сопоставимое с «Певцом во стане русских воинов» В. Жуковского), но и самый длинный поэтический текст Державина вообще [1. С. 42]. Издатель «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» поместил «Гимн лиро-эпический...» на первое место первого тома, что обозначало его особое положение в композиции сборника: через стихотворение Державина прочитывалась история Отечественной войны 1812 г.

Основным претекстом данного произведения становится библейская апокалиптика (Книга пророка Даниила и Откровение Иоанна Богослова [2. С. 797]), однако произведение насыщено реминисценциями и на другие части Писания². Обращением к Библии продиктован отказ Державина от оссианической образности, в предыдущие годы нередко сопровождавшей в его стихах военную тему. Желая представить современную историю через призму эсхатологии, поэт пытается синтезировать три разных классических жанра: героическую эпопею, пиндарическую оду и христианский гимн (переложение псалмов) [Там же. С. 799].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-312-90009).
The work has been supported by RFBR (project No. 19-312-90009).

² Например, на главу 14 Книги Исхода, в которой описан переход евреев через Чермное море.

Жанровые и стилистические трудности были вызваны тем, что Державин хотел решить новую для русской литературы задачу — создать поэтический текст, в котором будет полностью представлена его историософия, базирующаяся на достаточно строгой идеологической основе. Для воплощения замысла поэту приходится, с одной стороны, доходить до последней степени абстрактности и аллегоричности, и отсюда в тексте такое невероятное количество самых разных библейских и легендарных героев (от Навуходоносора до Тамерлана), с другой — привносить в произведение современную историю, которая станет предметом историософских размышлений³. Не сумев достичь этого синтеза одними поэтическими средствами, Державин сопроводил текст многочисленными комментариями (некоторые из них достаточно объемны), в которых разъяснял конкретные смыслы своих не всегда внятных стихотворных строк.

Несмотря на внешнюю хаотичность стихотворения, в нем явлена максимально четкая идеологическая система. Отечественная война в тексте — онтологическое противостояние добра и зла. На стороне света выступает Бог, а на стороне тьмы — Наполеон, образ которого — сосредоточение всего самого отрицательного (он одновременно и «дракон», и «демон змеевидный», и фараон, и Вальтасар, и Люцифер, и «мнимый гений» — Антихрист). Во вселенском противостоянии побеждают *Бог и вера* людей: текст начинается идеей Божественного вспоможения русскому оружию (*Благословен Господь наш, Бог, / На брань десницы ополчивый*), вера — главный защитник русских (*Враги Христовы суть ничтожны. / От них нам вера — щит*), и победа дана им Богом (*Мы победили — с нами Бог!*).

Царь в тексте, казалось бы, выполняет традиционные для поэзии 1812–1814 гг. функции: он ведет за собой народ (*Россия внемлет глас царя, / Зовущего на ополченье*), за него и веру выступают русские (*За трон его, за веру умереть*). Однако в действительности его образ значительно отличается от представленного в современных «Гимну...» стихотворениях. Главными чертами монарха оказываются смиренность и незлобивость, противопоставленные гордости и злобе Наполеона. В своем гимне Державин достаточно открыто поучает царя⁴, показывая ему ужасы, к которым может прийти правитель, отвернувшийся от Бога и решивший безгранично властвовать, — этому посвящен очевидно затянутый финал произведения. Более того, в тексте четко формулируется авторская позиция — желание окончить войну изгнанием врага из России: русский народ должен защитить свои пределы, встать на границах и не идти далее. Так, строфа, в которой представлены похвалы Александру, кончается мыслью об окончании европейского противостояния:

Не бе! Но ты, монарх! Блистай	Чрез все <i>твои</i> страны обширны
<i>Твоей</i> небесной красотой!	Ко ужасу <i>твоих</i> врагов,
То кротостью, то правотою	И грозный строй <i>твоих</i> полков,
Владей, пленяй и успевай	Как туча, молньями чревата,
Лук наляцать <i>твой</i> крепкий, сильный,	Кругом возляжет царства свята [3. С. 31].

Заграничная кампания, с точки зрения Державина экспансионистская, критикуется в стихотворении несколько раз:

О, как венец светлей в сто крат,
 Что дан не царств на расширение,
 А на Отечества спасенье!

 Где гений, блещущий в лучах?
 Не здесь ли им урок в ученье,
 Чтоб царств не льститься на хищенье? [Там же].

Смирение в тексте — истинная монаршая добродетель, которой обладали лучшие русские правители, первым из которых в системе координат русской культуры XVIII в. являлся Петр I. С этим связана антиисторичность образа смиренного Петра в державинском стихотворении:

³ Об историософских воззрениях Державина в «Гимне лиро-эпическом...» см.: [2].

⁴ Об этом подробнее см.: [1].

Но дух *Петров*, сквозь звездну мглу
 С улыбкой вняв сию хулу,
 Геройской кротости в незлобы
 Вспарил орла в подобьи... [Там же. С. 27].

Особенно важно, что Державин оказывается у истоков мотива *смирненного царя Александра*, который станет одним из определяющих для патриотической лирики 1813–1825 гг. и создаст образ Александра I как царя-агнца.

Центральное место в идейной структуре произведения, несмотря на всемогущество Бога, занимает *Русский народ*. Ему посвящены самые звонкие строки стихотворения (начинающиеся со стиха *О Росс! О добльственный народ!..*), которые были помещены на титульный лист первого тома «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»; народ — предмет абсолютного восхищения лирического героя, главное действующее лицо войны (не случайно он назван в тексте «героем»):

Красуйся ж и ликуй, герой,
 Что в нынешнем ты страшном бедстве
 В себе и всем своем наследстве
 Дал свету дух твой знать прямой! [Там же. С. 29].

Центральной характеристикой русской нации в «Гимне лиро-эпическом...» является не храбрость или смиренность (как у царя), а *богоизбранность*. В тексте народ израильский уподобляется русскому народу, они оба «избранные искони и ввек хранимые Богом».

Стихотворение Державина — детальная проработка мистического концепта русского народа, для успешности которой автор вынужден был создать многоуровневую композицию, подчиненную новому для поэта лироэпическому началу, опирающуюся на библейскую эсхатологию, в центре которой — герой-пророк, но учитывающую при этом современный исторический контекст. Благодаря контаминации (пускай далеко не совершенной) этих разнородных элементов Державин создает новое, негражданское поэтическое понимание идеи русского народа.

Обратим особое внимание на то, что отход от аллегоричности к «реалистичности» и даже «натуралистичности» происходит в тексте лишь дважды. В первый раз при описании войны «росса» против «галла», когда в тексте возникают современные автору орудия и топонимы Отечественной войны 1812 г.:

Но, Муза! тайственный глагол	Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Оставь — и возгреми трубою,	Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Как твердой грудью и душою	Жужжа, свища, сшибались с злобой,
Росс, ополчась, на галла шел;	И меч, о меч звуча, слал гул;
.....
И небо и земля тряслись	Там бледна смерть с косою в руках,
На Бородинском поле страшном,	Скрежещуща, в единый мах
На Малоярославском, Красном.	Полки, как класы, посекала
	И трупы по полям бросала [Там же. С. 22].

Второй раз, когда лирический герой рассказывает о беге несправедного народа, «антинарода» — французов:

Что, став пред собственным уж взором
 Кладбищным рать его позором —
 От глада, ран и мраза мрет.
 О ужас! Галл здесь Галла жрет! [Там же. С. 25].

Данные выпадения из общей стилистики стихотворения особенно событийны для читателя, привыкающего в процессе чтения этого длинного текста к его аллегоричности. Стилистическими средствами автор акцентирует внимание на реальности и конкретности народа, сражавшегося на полях Отечественной войны, погруженного при этом в общее онтологическое противостояние, изображенное абстрактно-эпически.

Народный в поэзии 1812 г. военачальник Кутузов народен и в «Гимне лиро-эпическом...», но в ином понимании народности: он богоизбранный князь Михаил, архангел, выступивший супротив дьявола; он первый во всем богоизбранном народе. Стихи, посвященные Кутузову, Державин сопровождает таким примечанием: «*Восстанет Михаил князь великий* (у пророка Даниила гл. 12, ст. 1). Замечательно, что фельдмаршал Кутузов при поручении ему в предводительство армии как бы нарочно пожалован князем, чтобы сблизиться со Священным Писанием; впрочем, он избран был общим голосом в начальники всеобщего ополчения» [Там же. С. 35].

Державинская идея богоизбранной исключительности русского народа противоречит мысли об общеевропейском единении, звучавшей и в манифестах, и в стихотворениях, современных «Гимну лиро-эпическому...». Лирический герой предъявляет Европе претензии:

Почто вмещались в сонм вы злых
И, с нами разорвав союзы,
Грабителям поверглись в узы
И сами укрепили их? [Там же. С. 26].

И считает, что европейские страны (Англия и Испания) должны восхищаться величием русских — единственных победителей грозного Наполеона:

И вы, Гесперья, Альбион,
Внемлите: пал Наполеон!
Без нас вы рано или поздно,
Но понесли бы грозно,
Как все несут, его ярмо,
Уж близилось оно... [Там же. С. 29].

Возмущается тем, что русские прославляют европейцев:

А с наших рук вам слышны плески:
То в общем, славном торжестве таком
Не должны ли и общих хвал венцом
Мы чтить героев превосходных,
Душою россов твердых, благородных?
О, как мне мил их взор, их слух!
Пленен мой ими дух! [Там же].

«Гимн лиро-эпический...» — итог поэтических размышлений Державина о русском народе. Субъектный «росс», уже десятилетия живущий в его поэзии, обретает в стихотворении абсолютную значимость — богоизбранность. Не случайна позиция «верного народа» (верного, естественно, Богу) в посвящении, расширяющем заглавие гимна, — после Бога и Царя, но перед вождем и войском⁵.

Державин в очень короткие сроки⁶ сумел решить задачу, которая не удавалась иным поэтам, — написать стихотворный сюжет Отечественной войны 1812 г. В его центр он поместил концепт русского народа, однако, в отличие от Жуковского в «Певце...»⁷, придал ему мистическое измерение, лишив гражданского.

Как известно, реакция на стихотворение была неоднозначной. Члены «Беседы любителей русского слова» и С.Н. Глинка откликнулись на произведение доброжелательно [4. С. 90], понравился текст М.И. Кутузову и графу С.Р. Воронцову [1. С. 44]. Однако иным современникам стихотворение, неминуемо сравниваемое с «Певцом...» Жуковского⁸, показалось слабым

⁵ «Посвящен во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вожда и храброго воинства российского».

⁶ Предположительно, на работу ушло около месяца: с первой половины декабря до первой половины января.

⁷ Важно при этом, что Жуковский в «Певце...» не создал сюжета Отечественной войны. Композиция здравниц не решает проблемы исторического описания, которую считал важной Державин. Державин, скорее всего, знал «Певца...» и считал свой текст полемичным по отношению к произведению Жуковского (об этом подробнее см.: [3. С. 505]).

⁸ См., например, в письме А.Е. Измайлова к Н.Ф. Грамматину от 13 января 1813 г.: «Державин, сказывают, написал какой-то славный гимн на наши победы. Я не думаю однако, чтоб этот гимн мог сравниться с последними стихами Жуковского «Певец во стане русских воинов»» (цит. по: [8. С. 137]).

и даже провальным [5. С. 156]. Известна реакция молодых арзамасцев, которым «Гимн лиро-эпический...» казался одним из образцов невнятицы, созданным сошедшим с ума бывшим классиком [4. С. 90–92]. В неоконченном стихотворении «Тень Фонвизина» пятнадцатилетнего А.С. Пушкина представлен Державин, читающий выжимку из гимна:

Открылась тайн священных дверь!..	И кроткий агнец белорунный,
Из бездн исходит Луцифер,	Превосходясь, как дивий Гог,
Смиренный, но челоперунный.	Упал, как дух Сатанаила,
Наполеон! Наполеон!	Исчезла демонская сила!..
Париж, и новый Вавилон,	Благословен господь наш бог! [6. С. 139].

Как уже было замечено, Пушкин не пародирует стиль державинского стихотворения — он смеется над библейской тематикой произведения [7. С. 81] и крайним мистицизмом автора. Данное переложение не просто тарабарщина, а собрание идеологических констант стихотворения Державина (какими их видел в 1815 г. Пушкин).

Несмотря на неприятие и скорое забвение «Гимна лиро-эпического...», в нем была предсказана государственная историософия Отечественной войны 1812 г., которая выразится в манифестах 1813–1814 гг. и создаст «богоизбраннический» идеологический государственный поворот, исключивший идею гражданственности из политического дискурса на ближайшие полвека. Не менее важно и то, что Державин создал первый полновесный поэтический сюжет Отечественной войны. Опыт автора будет востребован в лирике 1813–1815 гг., в том числе на державинский сюжет будет опираться в послании «Императору Александру» Жуковский.

Литература

1. Коровин В.Л. Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из Отечества» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 6. С. 42–52.
2. Петров А.В. «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» (1813) Г.Р. Державина (материалы к словарной статье «Историческое сознание Державина» для «Державинской энциклопедии») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 796–801.
3. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году / под ред. И.А. Айзиковой, В.С. Киселёва, Н.Е. Никоновой. М., 2015. Ч. 1. С. 17–36.
4. Кошелев В.А. Гимн «На прогнание», или «Апокалипсис переложить» (о поэтике позднего Г.Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 89–106.
5. Вацура В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб., 1999. Т. 1.
7. Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007.
8. Державин Г.Р. Сочинения / с объяснительными примеч. Я.К. Грота. СПб., 1866. Т. 3. Ч. 3: Стихотворения.

Халиуллин Карим Ришатович,
младший научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Khaliullin Karim R.,
Junior Researcher
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences

e-mail: karim-ha@mail.ru

References

1. Korovin V.L. Derzhavin i 1812 god: o smysle i kompozitsii "Gimna liro-epicheskogo na prognanie frantsuzov iz Otechestva" // Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka. 2012. T. 71, no. 6. S. 42–52.
2. Petrov A.V. "Gimn liro-epicheskii na prognanie frantsuzov iz Otechestva" (1813) G.R. Derzhavina (materialy k slovarnoi stat'e "Istoricheskoe soznanie Derzhavina" dlia "Derzhavinskoi entsiklopedii") // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2009. No. 2 (24). S. 796–801.
3. Sbranie stikhotvorenii, otnosiashchikhhsia k nezabvennomu 1812 godu / pod red. I.A. Aizikovoi, V.S. Kisel'eva, N.E. Nikonovoi. Moscow, 2015. Ch. 1. S. 17–36.
4. Koshelev V.A. Gimn "Na prognanie", ili "Apokalipsis pere-lozhit'" (o poetike pozdnego G.R. Derzhavina) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2016. No. 14. S. 89–106.
5. Vatsuro V.E. Lirika pushkinskoi pory: "Elegicheskaiia shkola". St. Petersburg, 1994.
6. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t. St. Petersburg, 1999. T. 1.
7. Altshuller M.G. Beseda liubitelei russkogo slova: u istokov russkogo slavianofil'stva. Moscow, 2007.
8. Derzhavin G.R. Sochineniia / s ob"iasnitel'nyimi primеч. Ia.K. Grot'a. St. Petersburg, 1866. T. 3. Ch. 3: Stikhotvoreniia.

